

В. С. Храковский*
(Санкт-Петербург)

ВЕРБОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К КОНСТРУКЦИЯМ И/ЛИ ГРАММАТИКА КОНСТРУКЦИЙ

Игорь, нет слов

A b s t r a c t. The paper compares the verbocentric and construction grammar approaches to verbal construction analyses. The fundamental postulate of the first approach is that the verbal construction with all its actants makes the minimal functional utterance that can fully describe the speaker's communicative intent. Its components are semantically and syntactically unequal, with the verb, «the Master», governing its «servants», the actants. Its actants syntactically unconnected, the construction stops to exist without the verb. As distinct from the compositionality principle of the verbocentric approach, the construction grammar is based on the anticompositionality principle focusing on the fact that integral multi-component constructions' properties may be nonderivable from their constituents' properties. Though this approach is hardly suitable to analyze standard constructions with their hierarchically linked components, it may be feasibly applied to nonstandard idiomatized constructions that have been practically ignored by the verbocentric approach.

К л ю ч е в ы е с л о в а: конструкция, глагол, актант, сирконстант, ситуация, значение

В данной работе обсуждается следующая альтернатива: глагольная конструкция — это результат реализации валентностного потенциала образующего ее глагола или глагольная конструкция представляет собой семантический шаблон, в который на равных правах вставляются все его элементы.

Начнем с рассмотрения вербоцентрической (иначе лексико-семантической) концепции, в соответствии с которой глагольная конструкция как раз и представляет собой результат реализации валентностного потенциала образующего ее глагола. В настоящее время эту концепцию можно считать вполне традиционной. Впервые идея вербоцентрического строения предложения была высказана в России во второй половине XIX в. А. А. Дмитриевским¹. Выступая против господствовавшего в то время представления о том, что в предложении два главных члена — сказуемое и подлежащее, он писал: «Не два главных члена в предложении, а только один. Сказуемое есть неограни-

---

¹ Об этом ученом см. работы (Холодович 1979; Храковский 1983; 1985).

ченный властелин, царь предложения, если есть в предложении кроме него другие члены, **они строго ему подчинены и от него только получают свой смысл и значение** (выделено нами. — В. Х.); если нет их, даже подлежащего, сказуемое само собой достаточно выражает мысль и составляет целое предложение» (Дмитриевский 1877: 22—23). К сожалению, творчество А. А. Дмитриевского практически оставалось неизвестным до второй половины XX в., а идея вербоцентрического строения предложения почти спустя столетие была переоткрыта Л. Теньером, французским теоретиком и славистом, и получила широкое распространение после посмертной публикации его «Структурного синтаксиса» (Tesnière 1959; Теньер 1988).

Глагол в одной из своих финитных форм вместе с теми актантами, которые входят в обязательную актантную рамку, — таких актантов обычно не больше двух, — образует (ядерную) синтаксическую конструкцию (*Я упал, Я отправил посылку, Я открыл дверь*). В такую конструкцию могут быть дополнительно включены и все остальные синтаксические актанта, если они есть (*Я отправил посылку Пете*). Любая конструкция, включающая глагол вместе со всеми его актантами, служит базой для минимального полноценного высказывания, в котором реализуются коммуникативные намерения говорящего.

Важно подчеркнуть, что в такой конструкции ее элементы семантически и синтаксически неравноправны. Центральным элементом конструкции является глагол, который на правах «хозяина» управляет «своими слугами» — синтаксическими актантами [Холодович 1970; 1979]. Удаление глагола из конструкции приводит к ее ликвидации, поскольку актанта синтаксически не связаны друг с другом, тогда как отсутствие отдельных актантов в конструкции является либо нормой (как, например, отсутствие первого синтаксического актанта в императивной конструкции типа *Сиди тихо!*), либо допустимо, если актанта является факультативным (ср. *Я отправил посылку Пете* → *Я отправил посылку*). Заметим также, что отсутствие актантов иногда наблюдается в случае закономерного эллипсиса (например, в вопросно-ответном единстве типа *Ты идешь гулять? — Иду*). Добавим, что в случае закономерного эллипсиса, детерминируемого контекстом, возможно и отсутствие глагола (например, в вопросно-ответном единстве типа *Ты куда идешь? — В кино*).

Следует обратить внимание на то, что одну и ту же конструкцию образуют семантически однородные глаголы, т. е. те глаголы, чьи лексемы имеют общий (родовой) компонент значения. Скажем, один ряд таких семантически однородных глаголов образуют глаголы *дать, передать, вручить, послать*. Условно эти глаголы можно назвать глаголами со значением передачи. Актантная структура этих глаголов имеет следующий вид: Агенс (*кто передает*), Пациенс (*что передает*), Контрагент (*кому передает*). В соответствии с лексикографической диатезой, которая отражает иерархию участников в тол-

ковании И. А. Мельчука (Мельчук 2004), в конструкции, образуемой этими глаголами, имя, обозначающее Агенса, оформлено именительным падежом и занимает позицию подлежащего, имя, обозначающее Пациенса, оформлено винительным падежом и занимает позицию прямого дополнения, а имя, обозначающее Контрагента, оформлено дательным падежом и занимает позицию косвенного дополнения (*Профессор дал / передал / вручил / послал студенту книгу*)².

В принципе вербоцентрическая концепция оказалась полезным инструментом для описания неидиоматизированных конструкций, в которые, кроме глагола, входят только его актанты. Однако в таких конструкциях наряду с актантами могут быть и сирконстанты, которые в соответствии с исходной версией вербоцентрической концепции могут свободно входить в любую глагольную конструкцию, но могут в ней отсутствовать. Считалось, что сирконстанты никак не связаны с семантикой глаголов и, соответственно, не должно быть семантических правил, регулирующих синтаксическое употребление / неупотребление сирконстантов в конструкции, т. е. их количество, качественный состав, дублирование и т. п. Эти представления на проверку оказались иллюзорными (Богуславский 1990; Филиппенко 1998; Храковский 1998). Выяснилось, что в актантную глагольную конструкцию могут входить только те сирконстанты, семантика которых не вступает в конфликт с семантикой всех элементов этой конструкции, в том числе со значениями содержательных грамматических категорий глагола и имен в актантных позициях. Остановимся на этой проблеме более подробно.

Прежде всего обратим внимание на тривиальные случаи смысловой сочетаемости отдельных сирконстантов с определенными видовыми и временными формами глагола, которые в силу своей тривиальности специально не рассматривались с точки зрения семантических ограничений на введение в глагольную конструкцию тех или иных сирконстантов. Например, сирконстанты длительности (типа *долго*, *пять минут*) могут вводиться только в конструкцию, в которой употреблен глагол НСВ (*Петя пил чай долго / пять минут*). Добавим к сказанному, что в отличие от сирконстантов длительности сирконстанты временного периода могут вводиться в конструкцию, где употреблен как глагол несовершенного вида (далее — НСВ), так и глагол совершенного вида (далее — СВ), однако конкретный временной период должен соответствовать значению временной формы глагола (*Петя строил / построил дом в прошлом году; Петя будет строить / построит дом в будущем году.*)

---

² Семантически однородные глаголы представляют собой определенный подкласс одного из классов верхнего уровня в рамках фундаментальной классификации предикатов Ю. Д. Апресяна (Апресян 2006).

На то обстоятельство, что семантика сирконстантов не должна конфликтовать с семантикой глагольных лексем, впервые было указано в работе (Плунгян, Рахилина 1990). Авторы этой статьи показали, что есть сирконстанты, которые сочетаются с глаголами, обозначающими т. н. конкретные ситуации (типа *бежать*, *резать*), и не сочетаются с глаголами, обозначающие т. н. неконкретные ситуации (типа *портить*, *мстить*). Ср.: *бежал с факелом [в руках]*, *резал с кувшином [на голове]*, но **испортил с кувшином [на голове]*, **мстил с портфелем [в руках]*.

Возможность употребления в конструкции отдельных сирконстантов может зависеть не от глагола, а от семантической специфики отдельных актантов, в частности от значения категории числа имени, выступающего в позиции актанта. Рассмотрим в связи с этим следующую пару примеров: *Петров купил марку новой серии / Петров купил марки новой серии*. В первом примере имя Пациенса в позиции второго актанта выступает в ед. ч., благодаря чему в предложении выражается простая ситуация, которая реализуется как одномоментное событие. Во втором примере имя Пациенса в позиции второго актанта выступает во мн. числе, обозначая тем самым раздельное множество, состоящее из отдельных марок. Это обстоятельство допускает еще одну интерпретацию, позволяющую ввести в этот пример сирконстант *постепенно*, который, как и многие другие сирконстанты, является одноместным предикатом, чью валентность заполняет та конструкция, в которую он вводится.

В соответствии со второй интерпретацией конструкция, в состав которой входит сирконстант, обозначает сложную ситуацию, состоящую из простых одномоментных ситуаций, «которые упорядочиваются во времени так, что каждая следующая наступает вслед за предыдущей через более или менее равные друг другу временные отрезки. М. Я. Гловинская справедливо добавляет к сказанному, что “говорящий оценивает эти промежутки как более или менее значительные”» (Апресян 2006: 120). Я не убежден, что оценка временных отрезков, даваемая Ю. Д. Апресяном и М. Я. Гловинской, является полностью адекватной, поскольку с ней, по моему мнению, не согласуются примеры типа *В течение дня бойцы нашей роты постепенно вышли из окружения*. Но это не главное. А главное то, что конструкция с глаголом СВ, в которой есть сирконстант *постепенно*, имеет другой семантический статус. В ней облигаторно выражается акциональное дистрибутивное значение, тогда как в конструкции без этого сирконстанта данное значение представляет собой одну из двух возможных интерпретаций.

Формально необязательные сирконстанты во многих случаях играют определяющую роль при акциональной интерпретации конструкции. Скажем, акциональная интерпретация формы НСВ и тем самым всей конструкции в примерах *Я сейчас читаю книгу*; *Я каждый день читаю книгу*; *Ты когда-*

нибудь читал книгу при лунном свете? определяется сирконстантами. В первом примере сирконстант *сейчас* «проявляет», или, если угодно, маркирует актуально-длительное значение НСВ. Во втором примере сирконстант *каждый день* маркирует хабитуальное значение НСВ. В третьем примере сирконстант *когда-нибудь* (как и вопросительная интерпретация примера) маркирует общефактическое значение НСВ. Таким образом, при принципиально стандартной синтаксической необязательности сирконстантов они в то же время — при их наличии в предложении — служат маркерами (иногда обязательными) ряда акциональных интерпретаций конструкции.

Интересны случаи, когда допустимое введение в актантную глагольную конструкцию определенных сирконстантов влечет за собой включение в описываемую ситуацию фигуры наблюдателя. Обратимся в этой связи к анализу примера *Иван поднял этот большой чемодан*. В рамках вербоцентрического подхода в этом примере с глаголом действия СВ представлена простая ситуация, которая реализовалась как одномоментное событие. В эту актантную конструкцию свободно могут быть введены антонимичные сирконстанты *с трудом* и *без труда*: *Иван без труда / с трудом поднял этот большой чемодан*. Эти сирконстанты являются двухместными предикатами: одну их валентность заполняет конструкция, в которую они входят, а другую — наблюдатель-оценщик. Таким образом, эти сирконстанты указывают на ту оценку, которую некоторый наблюдатель (обычно это говорящий) ретроспективно дает способу осуществления результативного действия: агенс, выполняя данное действие, либо не затрачивает заметных физических усилий (*без труда*), либо, напротив, выполняет его на пределе своих физических возможностей (*с трудом*).

Иными словами (что важно подчеркнуть), эти характеристики действия агенсом не контролируются, возникают независимо от его воли и, очевидно, никак не предусмотрены толкованием глагола *поднять*. Пойдем дальше: изменим модальную перспективу исходного примера, т. е. превратим индикативную конструкцию с глаголом СВ в соотносительную императивную конструкцию: *Подними этот большой чемодан!* Изменение модальной перспективы приводит, на первый взгляд, к обескураживающему результату. Хотя в императивной конструкции используется тот же самый глагол СВ, в этой конструкции возникает семантический запрет на употребление сирконстантов, которые без ограничений могли входить в состав исходной индикативной конструкции: *Подними *без труда / *с трудом этот большой чемодан!* Причины такого запрета как будто бы довольно очевидны. Эти сирконстанты обозначают такие характеристики действия, которые не контролируются ни говорящим, ни слушающим и не зависят от них. К тому же в императивной конструкции говорящий каузирует выполнение будущего действия, однако в

этой конструкции ни в кадре, ни за кадром нет фигуры наблюдателя, способного оценить, с трудом или без труда исполнитель будет поднимать чемодан. Сказанное требует одной оговорки. Высказывание *Подними без труда / с трудом этот большой чемодан!* вполне уместно и нормативно в реплике режиссера, обращенной к актеру, где эти сирконстанты получают контролируемое прочтение и где речь идет об имитации действия, а в роли оценщика того, насколько удачно актеру удалась имитация, выступают зрители, которые в принципе не должны догадываться о том, что они оценивают не действие, а его имитацию.

Некоторые сирконстанты с определенным значением могут отключать временной план, выражаемый словоформой вершинного глагола, или, пользуясь другой терминологией, нейтрализовать значение граммы определенной грамматической категории. Рассмотрим в этой связи пример *Я никак не всуну иголку в иголку*. В этом примере употреблена форма будущего времени глагола СВ. При отсутствии сирконстанта *никак* в конструкции эта форма, как ей и положено, относит выражаемое действие к будущему: *Я не всуну иголку в иголку*. Смысл этой конструкции с учетом входящего в ее состав отрицания состоит в том, что называемое действие в будущем не будет иметь места. Однако при наличии в конструкции сирконстанта *никак* акциональная характеристика действия принципиально меняется, и конструкция получает следующую интерпретацию: говорящий (он же в данном случае наблюдатель) в период времени, предшествующий моменту речи, совершает неоднократные неудачные (в силу неясных причин) попытки осуществить (моментальное) действие, называемое глагольной лексемой.

Теперь перейдем к рассмотрению примеров, в которых сирконстанты определенной семантики превращают контролируемое действие, выражаемое императивной формой глагола, в неконтролируемое, которое в принципе не должно совершаться, и при этом являются, несмотря на то, что они сирконстанты, обязательными элементами, определяющими семантическую правильность конструкции. Предварительно сравним следующую пару грамматически и семантически вполне правильных примеров: *Не ломай стул!* / *Не сломай стул!* В первом из них представлена т. н. прохибитивная конструкция, в которой говорящий запрещает слушающему совершать действие, выражаемое императивной глагольной формой НСВ. Во втором из них представлена т. н. превентивная конструкция, в которой употребляются глаголы СВ, а прескрипция в данном случае каузирует исполнителя некоторого агентивного действия поступать таким образом, чтобы случайно не совершить неконтролируемое действие, называемое императивной формой глагола СВ, ср. (Храковский 1998). Иными словами, фраза *Не сломай стул* уместна тогда, когда говорящий видит, что слушающий, который выполняет определенное кон-

кретное действие, например несет по комнате громоздкий предмет, может случайно задеть этим предметом стул и сломать его.

Теперь рассмотрим еще две соотносительные пары аналогичных примеров: *Не звони брату!* / **Не позвони брату!*; *Не дари Ивану эту книгу!* / **Не подари Ивану эту книгу!* Здесь мы наблюдаем уже иную ситуацию: прохибитивные конструкции вполне нормативны, а превентивные, хотя они и правильны грамматически, являются неупотребительными. Почему это происходит? Очевидно, потому, что императивные формы СВ называют действия, которые в такой степени агентивны и контролируемы, что их трудно совершить случайно при выполнении другого агентивного и контролируемого действия.

Исходя из этого вполне справедливого предположения, Т. В. Булыгина в свое время подчеркнула, что в превентивной конструкции «употребление формы совершенного вида от агентивных глаголов невозможно даже по отношению к конкретному одноактному действию» (Булыгина 1982: 75). Однако в действительности такое употребление все же возможно. Агентивные глаголы СВ могут употребляться в превентивной конструкции при наличии сильного контекста, снимающего, нейтрализующего контролируемость. В роли такого контекста выступают сирконстанты, эксплицитно указывающие на неконтролируемость действия, обозначаемого императивной формой глагола СВ. С учетом сказанного вполне нормативными являются примеры: *Пока меня не будет дома, ты случайно брату не позвони!*; *Ты по ошибке не подари Ивану эту книгу!* Таким образом, сирконстанты типа *случайно*, *по ошибке* превращают контролируемое действие в неконтролируемое и тем самым предопределяют возможность употребления императивной формы «агентивного» глагола в превентивной конструкции, в которой подобные сирконстанты являются, если можно так сказать, «конструктообразующими» элементами в том смысле, что детерминируют неконтролируемость действия, называемого глаголом, а тем самым и семантическую правильность конструкции в целом.

Если обобщить все приведенные примеры, то прежде всего нужно сказать, что в принципе в актантную глагольную конструкцию могут включаться не любые сирконстанты, а только те, которые согласуются по смыслу со всеми элементами этой конструкции. Далее следует обратить внимание на то, что определенные сирконстанты при включении в конструкцию не просто добавляют в нее свое собственное значение, но могут вытеснить глагол с позиции вершинного предиката, кроме того, могут модифицировать толкование глагола, его акциональное и темпоральное значение, свойство контролируемости, а также вводить в выражаемую ситуацию фигуру наблюдателя. Фактически сирконстанты являются теми элементами, которые в той или иной степени отвечают за семантическую интерпретацию всей конструкции в целом, а в отдельных случаях даже являются теми элементами, которые опре-

деляют возможность существования самой конструкции. Иначе говоря, надо признать, что по своему смысловому статусу сирконстанты играют в конструкции очень важную, а иногда и определяющую роль.

Завершая характеристику вербоцентрического подхода, обратим внимание на то, что в его основе лежит общенаучный принцип композиционности или композициональности, который в лингвистике называют еще принципом Фреге. Суть этого принципа состоит в том, что, хотя каждый сложный элемент в общем случае — это не простая аддитивная сумма составляющих его простых элементов, все же свойства более крупных языковых единиц (в частности, синтаксических конструкций) выводимы по определенным законам из свойств этих более элементарных компонентов. Принцип композиционности в лингвистике понимается как установка на наличие общих правил семантического взаимодействия значений слов, грамем, линейно-акцентной структуры и других значимых единиц языка в составе конструкции, являющейся коммуникативной единицей.

Высоко оценивая вербоцентрический подход, мы должны справедливо ради добавить, что в рамках этого подхода в соответствии с его теоретическими установками недостаточно учитывается вполне допустимое теоретически и реально представленное обратное влияние элементов конструкции, и в особенности сирконстантов, как на глагольную лексему и ее толкование, так и на интерпретацию самой конструкции в целом, ср. (Fillmore, Kay 1992; Goldberg 1995).

Переходя к анализу теории грамматики конструкций, надо сказать, что в ее основе, если угодно, лежит принцип антикомпозиционности. Здесь внимание заостряется на том, что целостные многокомпонентные единицы («конструкции») могут обладать свойствами, которые не выводятся из свойств составляющих элементов. Такой подход, с нашей точки зрения, вряд ли подходит для анализа стандартных неидиоматизированных актантных и актантно-сирконстантных конструкций, элементы которых связаны иерархическими отношениями, а отсутствие глагола (за исключением случаев закономерного эллипсиса) приводит к ликвидации конструкции. Вместе с тем такой подход удобен для анализа нестандартных идиоматизированных конструкций, которые практически не рассматривались в рамках вербоцентрической концепции.

Хороший пример такого анализа представлен в работе (Плунгян, Рахилина 2010), где рассматривается нестандартная идиоматизированная конструкция типа *тушат-тушат — не потушат*. Эта конструкция состоит из двух глагольных частей, тогда как стандартная конструкция, образуемая глаголом и его актантами, никогда не состоит из двух частей. Обязательными элементами первой части являются две одинаковые личные глагольные словоформы, что исключается в стандартной конструкции. Наличие актантов возмож-

но, но не обязательно, и чаще некоторые или все актанты отсутствуют. Обязательным элементом второй части является одиночный глагол, при котором, как и в первой части, актанты могут быть, а могут и не быть. У первой части этой конструкции особое просодическое оформление — две глагольные словоформы составляют одно фонетическое слово, которое произносится с особой интонацией, при этом основное ударение падает на первую словоформу. Такая конструкция «выражает **сложный идиоматический** (выделено нами. — В. Х.) смысл, который сводится к противоречию между неоднократными попытками совершения [контролируемого] действия в прошлом (или неоднократным возобновлением [неконтролируемого] процесса) и наступившей после этого ситуацией, прямо или косвенно сводящей эти попытки на нет» (Плунгян, Рахилина 2010: 94).

В рамках грамматики конструкций важную роль играет понятие семантического шаблона ситуации, выражаемой в конструкции (Goldberg 1995). Этот шаблон, прежде всего по своим акциональным характеристикам, ориентирован на определенный семантический класс предикатов, и в силу этого ему соответствует ситуация, называемая вершинным глаголом конструкции, если он относится к этому классу предикатов. Если же глагол относится к другому классу предикатов, то соответствие между семантическим шаблоном конструкции и ситуацией, называемой глаголом, нарушается.

В таких случаях интерпретация конструкции осуществляется с опорой на акциональные характеристики шаблона, которые ситуация приобретает в конструкции, адаптируясь к этому семантическому шаблону. В рамках такого подхода вершинный глагол не сам по себе порождает конструкцию, а, если угодно, **задается** семантическим шаблоном конструкции, который, таким образом, является ее первоэлементом. Теперь нам остается рассмотреть примеры, которые бы продемонстрировали законность этого основного постулата грамматики конструкций, в соответствии с которым семантический шаблон конструкции настроен на определенный тип или класс предикатов, а конкретный глагол как бы встраивается в готовый шаблон, который может даже перестроить семантику глагола, если она не соответствует семантике шаблона³.

Наиболее типичный случай такого рода — это употребление глагола в не своем актантном окружении, иначе говоря, встраивание глагола в шаблон

---

³ Заметим, что ту же мысль, правда, в иной терминологии, много раньше высказал Ю. Д. Апресян в своей работе 1967 года, в которой он писал: «... в языке существуют группы слов, помещение которых в несвойственный им синтаксический контекст может окказионально изменять их значение», и далее: «... некоторые глаголы в просторечии могут приобретать определенное значение, будучи помещены в синтаксический контекст, типичный для этого значения» (Апресян 1967: 29).

чужой конструкции, что приводит к соответствующему изменению значения глагола. Такое употребление глагола принято называть окказиональным. Было высказано авторитетное мнение, в соответствии с которым именно в этом случае «теория грамматики конструкций демонстрирует явные преимущества перед традиционным глаголоцентричным описанием» (Рахилина, Кузнецова 2010: 31). Для аргументации этого утверждения было рассмотрено употребление русского непереходного глагола *гулять* в переходном каузативном значении *гулять собаку* и сказано, что примеры такого употребления «хорошо засвидетельствованы и понятны любому носителю русского языка» (Там же: 32). Действительно, подобные примеры понятны в силу семантического согласования глагола и имени, но из этого не следует, что они правильны. Правильными и в принципе синонимичными примеру *гулять собаку* могут быть и пример *выгуливать собаку* (каузативный глагол), и пример *гулять с собакой* (стандартное употребление глагола *гулять*). А о правильности примеров типа *гулять собаку* мы сможем судить лишь после того, как они перестают быть редкими и случайными и становятся хорошо засвидетельствованными. А о примере *гулять собаку* этого пока сказать нельзя. Во всяком случае, употреблений глагола *гулять* с прямым дополнением *собаку* в Национальном корпусе русского языка (ruscorpora.ru) не обнаружено, и, следовательно, о хорошей засвидетельствованности именно этого примера говорить преждевременно.

Излагая идеи А. Голдберг, Е. В. Рахилина в уже довольно давно опубликованной работе рассматривает предложение *Дилижанс ехал через деревню*, которое представляет «нетранзитивную конструкцию перемещения». По ее мнению, на место глагола в этом примере можно подставить глагол другой семантической группы, так называемой донорской зоны, «лишь бы этот глагол сохранял идею неопредельного процесса». В качестве примера Е. В. Рахилина приводит следующий ряд: *Дилижанс пилил / чесал / молотил через деревню* (Рахилина 1998: 316). Заметим, однако, что глаголы, приведенные в этом ряду, т. е. глаголы одного профиля, обладают разными потенциями замены глагола *ехать* в этой конструкции.

Самая простая ситуация с глаголом *пилить*. В его толкование входит компонент движения, причем движения достаточно длительного и монотонного. Эти особенности и сохраняются при употреблении этого глагола в рассматриваемой конструкции:

- (1) *А когда от морского вокзала автобус пилил еще целый час до гарнизона с дивным названием «Лесная речка», то впечатления были те еще* (Нам пишут и снимают // «За рулем», 2004.04.15).

Может употребляться в рассматриваемой конструкции и глагол *чесать*, который в Малом академическом словаре под редакцией А. П. Евгеньевой

(далее — МАС) толкуется следующим образом: ‘Скрести, тереть для облегчения зуда’. Достаточно очевидно, что и в данном случае движение (скорее всего, быстрое и энергичное) является важным компонентом ситуации чесания. Этим и объясняется возможность его употребления в рассматриваемой конструкции:

- (2) *Аа, еще забыл сказать, сёдня как всегда чесал по объездной и увидел чудный столб за мостом на Пригородный* (<http://forum/gatchina.ru>).

Однако, как отмечено в МАСе, этот глагол наряду со своим собственным значением «употребляется вместо того или иного глагола для обозначения действия, выполняемого с особой силой, страстностью, азартностью и т. п. (с сохранением управления этого глагола)». Эту особенность глагол *чесать* сохраняет и в приведенном нами примере. В МАСе приводятся следующие примеры употребления этого глагола в других конструкциях:

- (3) *[Мельник] читал на клиросе так громко да так быстро, что и привычные люди удивлялись. — Вот как чешет вражий сын* (В. Г. Короленко. Судный день. 1890).
 (4) *[Дед Наум] сунул в сугроб палку, да как начал трепака чесать* [В. Я. Шишков. Угрюм-река. Ч. 1—4. 1913—1932].
 (5) *Враг увидел батарею и начал чесать прямо по ней* [А. Н. Степанов. Порт-Артур. 1940].

Иными словами, у этого глагола очень широкие и реализуемые потенции употребляться в разных конструкциях⁴. А вот подходящих примеров употребления глагола *молотить* вместо глагола *ехать* нам пока найти не удалось и в Национальном корпусе русского языка.

Сходная ситуация складывается и с глаголами звучания, которые, по мысли Е. В. Рахилиной, могут заменять глагол *ехать*. Вполне понятно, почему глаголы звучания могут переносно употребляться вместо глаголов движения: в принципе бесшумное движение — явление исключительное. Вместе с тем в ряду глаголов звучания, который приводит Е. В. Рахилина: *Дилижанс ухал/хлюпал/скрипел/улюлюкал*, по нашим данным, не все глаголы могут заменять глагол *ехать*. Такая возможность есть у глаголов *хлюпать* и *скрипеть*, обозначающих звуки, которые по своей природе могут сопровождать движение:

⁴ На эту особенность глагола *чесать* обратил внимание Ю. Д. Апресян в уже упомянутой работе, где он включил этот глагол в список глаголов, каждый из которых «в соответствующем синтаксическом контексте может приобретать одно из следующих четырех значений: 1) значение типа «бить», «ударять», ((5)); 2) значение типа «идти», «бежать», ((2)); 3) значение типа «говорить», «писать», ((3)), 4) значение типа «играть», «плясать», ((4)) (Апресян 1967: 29).

- (6) *На набережной по снегу и грязи хлопали прохожие* (А. Н. Толстой. Прекрасная дама. 1916).
- (7) *А к следующей клетушке скрипел протезом по коридору Саша Парфенов* (К. Ваншенкин. Писательский клуб. 1998).

А вот примеров с глаголами *ухать* и *улюлюкать* нам и в Корпусе не удалось найти, видимо, потому, что эти звуки по своей природе не ассоциируются с движением.

Таким образом, утверждение о том, что вместо глагола *ехать* можно употребить любой глагол, который «сохраняет идею непредельного процесса», является слишком сильным. Реально при замене учитываются более тонкие семантические факторы.

В целом же если отбросить крайние точки зрения и вернуться к сопоставлению обоих подходов, то есть основания считать, что они представляют собой две модели, которые дополняют друг друга при анализе конструкций. С помощью вербоцентрического подхода мы познаем закономерности формирования стандартной неидiomатизированной конструкции из порождающего ее исходного финитного глагола, а с помощью конструкционного подхода мы познаем устройство нестандартной идиоматизированной конструкции и в какой-то мере приближаемся к установлению правил введения в существующую конструкцию глаголов из так называемой донорской зоны.

Л и т е р а т у р а

- Апресян 1967 — *Апресян Ю. Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967.
- Апресян 2006 — *Апресян Ю. Д.* Основания системной лексикографии // *Апресян Ю. Д.* (ред). Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 33—109.
- Богуславский 1990 — *Богуславский И. М.* 1990. Внешняя и внутренняя сфера действия некоторых темпоральных обстоятельств // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich* (к 60-летию Ю. Д. Апресяна). Białystok, 1990. S. 137—148.
- Булыгина 1982 — *Булыгина Т. В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982. С. 7—85.
- Дмитриевский 1877 — *Дмитриевский А. А.* Практические заметки о русском синтаксисе // Филологические записки. IV. 1877. С. 3—38.
- Мельчук 2004 — *Мельчук И. А.* Определение категории залога и исчисление возможных залогов: 30 лет спустя // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М.: Знак, 2004. С. 286—314.
- Плунгян, Рахилина 1990 — *Плунгян В. А., Рахилина Е. В.* Сирконстанты в толковании? // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich* (к 60-летию Ю. Д. Апресяна). Białystok, 1990. S. 201—210.

- Плунгян, Рахилина 2010 — *Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Тушат-тушат — не потушат*: грамматика одной глагольной конструкции // *Лингвистика конструкций*. М.: Азбуковник, 2010. С. 83—94.
- Рахилина 1998 — *Рахилина Е. В. Когнитивная семантика* // *Семиотика и информатика*. 36. М.: Языки русской культуры: Русские словари, 1998. С. 274—323.
- Рахилина, Кузнецова 2010 — *Рахилина Е. В., Кузнецова Ю. Л. Грамматика Конструкций: теории, сторонники, близкие идеи* // *Рахилина Е. В.* (ред.). *Лингвистика конструкций*. М.: Азбуковник, 2010. С. 18—82.
- Теньер 1988 — *Теньер Л. Основы структурного синтаксиса*. М., 1988.
- Филиппенко 1998 — *Филиппенко М. В. Об адвербиалах с плавающей и фиксированной сферой действия* // *Семиотика и информатика*. 36. М.: Языки русской культуры: Русские словари, 1998. С. 120—140.
- Холодович 1970 — *Холодович А. А. К вопросу о доминанте предложения* // *Jakobson R., Kawamoto Sh.* (eds.). *Studies in General and Oriental Linguistics. Presented to Shiro Hattory on the Occasion of his Sixtieth Birthday*. Tokio, 1970. P. 318—324.
- Холодович 1979 — *Холодович А. А. К вопросу о доминанте предложения* // *Проблемы грамматической теории*. Л., 1979. С. 293—298.
- Храковский 1983 — *Храковский В. С. Истоки вербоцентрической концепции предложения в русском языкознании* // *Вопр. языкознания*. 1983. № 3. С. 110—117.
- Храковский 1985 — *Храковский В. С. Концепция членов предложения в русском языкознании XIX века* // *Грамматические концепции в языкознании XIX века*. Л.: Наука, 1985. С. 124—180.
- Храковский 1998 — *Храковский В. С. Понятие сирконстанта и его статус* // *Семиотика и информатика*. 36. М.: Языки русской культуры: Русские словари, 1998. С. 141—153.
- Tesnière 1959 — *Tesnière L. Eléments de syntaxe structurale*. Paris, 1959.
- Fillmore, Kay 1992 — *Fillmore Ch. J., Kay P. Construction grammar course book*. Berkeley: Univ. of California, 1992.
- Goldberg 1995 — *Goldberg A. A. Construction grammar approach to argument structure*. Chicago: Univ. of Chicago, 1995.